

ОРИЕНТАЦИЯ ПРОСВЕЩЕНИЯ

Весной были озвучены любопытные цифры: «США выделяют дополнительные \$75 млн на обучение латиноамериканцев английскому языку в своих странах или в США, \$385 млн на обеспечение жильём и пока не разглашаемую сумму на медицинское обслуживание». Речь идёт о тех странах Латинской Америки, где преобладает критическое отношение к Соединённым Штатам, где у власти — мажоритарные «антиштатовцы». Всё чаще по нюансам бюджета мы можем судить об образовательной политике, о просветительской стратегии государства. 2007 год объявлен Годом русского языка — и о политической роли русской речи снова заговорили с высоких трибун. Как видим, это объективная необходимость, международное явление. И тысячи русскоязычных людей внимательно прислушивались к словам председателя организационного комитета по проведению Года русского языка, первого вице-преьера Дмитрия Медведева: «Очевидно, что поддержка и развитие русского языка являются нашим приоритетом, что подтверждается не только проведением Года русского языка, но и всей государственной политикой — внутренней и внешней... Развивая русский язык, мы способствуем продвижению наших национальных интересов, укреплению экономических и культурных возможностей во взаимодействии с другими государствами». Нечто подобное подразаумевают и идеологи англоязычных государств.

Есть такие стихи:

Грош у новейших господ
Выше стыда и закона;
Нынче тоскует лишь тот,
Кто не украл миллиона...

Наш идеал, — говорят, —
Заатлантический брат:
Бог его — тоже ведь доллар!
Правда! Но разница в том:
Бог его — доллар, добытый трудом,
А не украденный доллар.

Не просто угадать автора, ведь эти злободневные строки написал наш классик, завсегда школьной программы Николай Алексеевич Некрасов. Гражданственные прозрения не устаревают и через два века, даже в деталях! Кое в чём нам нужно учиться у энергичных и практичных американцев, однако благотворная учёба невозможна при подобострастном настроении одной стороны и высокомерии другой, как это было в 1990-е годы...

В прессе широко освещаются образовательные программы государства в контексте капиталовложений — как повысить зарплату учителям? Как оснастить школу оргтехникой и информационными системами? Как переоборудовать классы? Всё это, несомненно, очень актуально и школа ждёт (и дожидается!) реализации этих планов.

Но вряд ли президентская программа «Образование» будет успешной, если мы не определимся с идеологической стратегией образования. Наверное, такая идеология не может связываться с политическими крайностями: школе необходима высокая степень компромисса. От распрей сильнее становится только мошенник, а главный союзник создателя — мир и спокойствие, воспетая Ломоносовым «царей и царств земных отрада, возлюбленная тишина». Необходимо сплочение общества — хотя бы детей и подростков, а не война всех против всех и каждого.

Когда-то эти стихи были известны каждому, их любили декламировать на школьных праздниках:

Единица — вздор, единица — ноль!
Один (даже если очень важный)
Не подымет простое пятивершковое
бревно,
А тем более дом пятиэтажный.

Стихи эти вышли из моды, может быть, из-за того, что устаревшим показался дух коллективизма. Казалось, что обезличенная масса подавляет свободную волю личности, порождая царство шаблона. Подавляет — и только. И не принято было вспоминать, что причина деградации личности — в крайнем индивидуализме, присущем «продвинутым» представителям молодёжи, которые активно вводят в обиход наркотики, насилие. Именно таким образом они самоутверждаются как личности — вне семьи, вне любого коллектива. В нашей жизни стало куда меньше признаков армейской дисциплины: её за-

менила свобода. И что же? Мы видим, как у различных социальных групп (особенно среди подростков!) воинское сознание сменяется сознанием криминальным, «бригадно-мафиозным», враждебным по отношению к окружающему миру. В чём только не упрекали воинское сознание, упрекали резонно. Но мы видим, насколько оно прогрессивнее криминальных нравов, насколько армейская дисциплина лучше подходит к ритмам современного научно-технического прогресса, чем современные уголовные «свободные» нравы. Армейская дисциплина ограничивает инициативу? Да, нередко инерция субординации срабатывает именно так. Но торжество мафиозных понятий — это уже явная деградация, возвращающая нас к примитивному кастовому, разобщённому обществу, главный враг которого — государственность, а главный союзник — смута. Вокруг «мафий» возникает самая непритязательная, отупляющая массовая культура, не признающая канонов высокого мастерства, которые связаны с покровительством государства. Любой ценой поддержать своего и утопить чужака — вот единственная задача такой группировки. Поэтому мы сегодня наблюдаем такой всплеск национальной розни, для которой логика «свой — чужой» весьма питательна. Нужны ли нашему обществу организованные национальные диаспоры? Если их задача — в поддержании дружбы народов, то они её многократно провалили. На деле мы видим разрастание бюрократии «общественных организаций», среди которых статью трутней блистают патентованные лидеры диаспор. И, как ответ, — появление русского этнонационализма со своими организациями, со своими лидерами, *профессиональными русскими*. Всё это — признаки деградации государства, а ведь раньше строгий институт прописки и пропаганда цивилизованной дружбы народов не давали разгуляться национальным мафиям...

О печальных последствиях вполне благонамеренной отмены закона о тунеядстве «Народное образование» уже высказывалось. Нелишне напомнить и о том, что в начале 1990-х законодатели отказались от принципа главенства государственных интересов, что отразилось и на новых кодексах, и на конституции. Права личности потеснили права государства — и символично, что в итоге снизилась эффективность правоохранительной системы. Права личности защищены на бумаге, но ущемлены в реальности. А права государства отброшены на обочину и юридически, и фактически. Сработало правило: когда мы помним о государстве, есть шанс и на благополучие граждан. Когда мы забываем о государстве и декларируем «человекоцентризм», можно гарантировать как кризис государства, так и депрессивный настрой большинства граждан.

Ориентация на индивидуальный успех, как правило, очень быстро переходит в эгоизм без руля и без ветрил. И выходит, что школа, забывая о государственном интересе, потворствует развитию худшего, низменного в человеке. Принцип примата общественного над личным, которому были верны и Расин, и Монтескьё, и Ломоносов, а ещё — Суворов, Толстой, Макаренко, рано списывать в архив. Обществу необходимо страховаться от катаклизмов, от возможного сползания в пропасть. Сегодня на фоне агрессивного индивидуализма распространён недуг социального пессимизма, злокачественного скепсиса. Люди драматизируют ситуацию, чтобы на фоне паники оправдать собственный радикализм. «Всё настолько беспросветно, что впору братья за топор». К этой позиции подталкивает молодёжь и политическая оппозиция — во вполне корыстных целях борьбы за власть, борьбы за умы, за оранжевую смуту. Вдалбливаются в умы самые трагические сценарии. Для одних это — «Русский народ порабощён (американ-

цами, инородцами и т.п.). Наше государство настолько антинародное, что подлежит уничтожению». Для других — «Страна сползает к фашизму, следует подавить эту государственность силами «цивилизованного мира». Оба сценария — химеры. Сравнительный анализ развития России и других стран за последние пять лет свидетельствует, что всё у нас не столь безысходно и братья за топор в такой ситуации — значит, играть на руку злейшим противникам России. Только как объяснить это школьникам? Критиковать ведь всегда легче, чем рекламировать текущую историю, неизменно кишашую проблемами. Здравницы, даже по адресу искренне любимой Родины, всегда получают несколько натужными, шаблонными. Сложный жанр. Но для школы этот жанр необходим — он существует в ней веками. Многое зависит от учительского таланта, от умения завоевать авторитет у ребят. Без такого авторитета патристические проповеди уж точно будут вызывать в лучшем случае зевоту, в худшем, увы, — отторжение.

Демократия и безначалие

Теперь уже ясно, что основным качеством российской «августовской демократии» стала бесконтрольность. Нелепой казалась сама идея, что в контроле нуждается наш основной капитал — школьники, будущие специалисты, кадровый фонд будущего. Государство не имеет права пускать на самотёк своё будущее, будущее миллионов граждан, не имеет права отбрасывать дирижёрскую палочку.

Корни современной демократии уводят нас в историю античной Греции. Афинскому полису благословенная демократия принесла не только расцвет торговли и культуры, но и смуту, чуму, тяжёлые военные поражения, как следствие беспорядочных политических интриг. И Сократ был принужден к самоотравлению в результате самой демократической

процедуры, как две тысячи лет спустя столь же демократично была избрана в парламент Национал-социалистическая рабочая партия Адольфа Гитлера. Напомню, что Гитлер был одним из самых бескомпромиссных политиков в истории. Бескомпромиссность он поставил во главу угла идеологии, о чём настойчиво писал в своей «Борьбе». Куда привела Германию бескомпромиссность фюрера — пояснять не нужно. Хочется поостеречься и максимализма наших предвыборных оппонентов, которым тоже не до компромисса — лишь бы представить себя на телеэкране эффектно и эпатажно, чтобы запомнили... В эти игры легко заиграться, как школьникам в компьютерные «стрелялки». Необходима ненавязчивая сила, которая бы смягчала нравы, укрощала «не в меру горячих» — наверное, это должна быть государственная сила, ведь именно государство заинтересовано в позитивной ориентации общества, в усмирении истерик. Русские летописцы всегда как беду воспринимали смуты и дразги, а примирение, усмирение почитали за благо. На всякую амбицию нужен укорот, иначе нам очень скоро станет тесновато и в стране, и на планете.

Главное организующее начало народной культуры, включающей и просвещение, — государство.

Агрессивный индивидуализм особенно болезненно аукнулся в России, в обществе, исконно выбравшем опору на государство как образ жизни. Либеральная истина «Свобода одного кончается там, где начинается свобода другого» не гарантирует от агрессии индивидуализма. Сколько бы ни говорили о свободе как об осознанном самоограничении, пока это остаётся утопией. И по следам свободы идут распри, агрессивное противостояние эгоизмов.

Миф о враждебности государства
В судьбе русского народа и других народов, населяющих нашу страну, отношение к государству, если угодно, государственнический патриотизм —

это ценность первостепенная. Увы, многим хотелось бы рубануть сплеча и переориентировать древнюю культуру на либеральные или этнонационалистические основы. Эти две крайности, которые в России никогда не приживались, объединяет ставка на личность, на эгоизм.

«Коллектив подавляет личность» — этот тезис лет 15–20 назад стал общепризнанным, вошёл в моду. В книгах, фильмах, десятках статей и книг писатели, психологи, кинематографисты показывали затравленную коллективом живую душу, вызывая сочувствие к одиночке, к борцу с системой (школьной, семейной, государственной). В годы перестройки эта линия, в сочетании с чернушным гиперреализмом, была оппозиционной реакцией на реализм социалистический, царивший безраздельно и в массовом искусстве, и в школьных программах, и в самой стратегии образования. Реакцией на «лакировку действительности». Так и с коллективизмом: в среде прилежных учеников советских педвузов, где коллектив ставился на пьедестал, вызревало отторжение этой «манной каши», которой нас перекармливали. Но в начале девяностых очень быстро школу успели перекормить индивидуализмом, который молниеносно выродился в учительское равнодушие к воспитанию... И снова магистральная линия тогдашнего Министерства образования подкреплялась артиллерией массовой культуры. Художники слаженно дудели в одну дуду: правда, мелодия сменилась. Теперь в ходу был такой навязчивый мотив: «Человек человеку — волк». Не в последнюю очередь именно поэтому общество стало криминальнее, а молодёжь всё чаще стремится к опасному радикализму. Наиболее разумные теоретики и практики снова были вынуждены осаживать радикалов, на этот раз защищая коллективизм, как В.А. Карковский: «В эпоху тоталитаризма было немало людей, которые, страдая «дет-

ской болезнью левизны», были убеждены в том, что коллектив нужен для того, чтобы все и всё делали одинаково, как солдаты в строю. «Коллектив всегда прав», — утверждали они. Справедливости ради следует заметить, что так думали далеко не все. Грамотные, убеждённые смелые педагоги всегда восставали против усреднения личности, подавления индивидуальности. Им нужен был коллектив как естественная среда обитания ребёнка, как средство развития его личности. Прошли годы, изменилась идеология. И вот уже коллектив превратился в жупел для устрашения людей. Их убеждают в том, что коллективизм — идея социалистическая, в новых же условиях для всех важнее идея индивидуализма. Разумные люди в спорах и позицию занимают разумную. Между личностью и коллективом вообще не могут быть отношения подчинённости. Главное — отношение человека к человеку. Если же говорить о нашем традиционном коллективизме, то корни его связаны не с политикой, а с историей. Она для россиян была настолько тяжёлой и трагической, полна таких испытаний, которые в одиночку вынести невозможно». Существует и немало географических и геополитических причин русского коллективизма, стремления к общинности.

Любая идеологическая кампания чревата как «недосолом», так и «пересолом». Необходимо помнить об изъёмах советской школьной «симфонии» личности, коллектива и государства. Дело в том, организаторы октябратской, пионерской и комсомольской жизни создавали у школьников представления о нашем государстве как о самом справедливом, сильном, честном. Сталкиваясь с реальностью, многие разочаровывались в системе именно из-за «завышенных ожиданий», созданных школой и пропагандой. Нечто подобное мы можем наблюдать в современных США, для которых трагедия 11 сентября 2001 года стала болезнен-

ным крушением завышенных представлений о неуязвимости *Rax Americana*. Школа, в которой громогласные утренние политинформации проводились даже в начальных классах, создавала насколько идеальный, настолько и хрупкий образ державы. Сама линия на державность — верная, но, перенимая её, следует помнить о чувстве меры.

Конфликт личности и государства, личности и общества... Столкновение интересов, подчас — крушение надежд, отказ от собственного прошлого во имя своего «Я», эмиграция, крайний космополитизм... Отрицать возможность такого конфликта мы не будем. Чего только не бывает в биографии человека! Но не следует такой сценарий объявлять единственно типичным, ориентировать на него всю этику общественной жизни. Такой «человекоцентризм» нередко приводит к самым бесчеловечным результатам. Благими намереньями, как известно, мостят самые опасные дороги.

Что же такое симфония личности и государства? Думаю, для каждого человека достижение такого идеала связано с множеством компромиссов. И, конечно, личности приходится идти на компромиссы чаще, чем обществу. Сегодня наша образовательная система направлена на успех личности. Особенно это проявляется в рекламе престижных платных учебных заведений и образовательных услуг. Реклама — это обещания напичкать ребёнка знаниями, нашпиговать грамматикой нескольких иностранных языков, подготовить к поступлению в престижный вуз, в котором, в свою очередь, можно будет уже выстраивать свою карьеру — в российской или зарубежной кампании. Весь разговор пестрит местоимениями в единственном числе: твой путь, твоя карьера, твой успех. Ясно, что на этом пути не избежать агрессивной конкуренции с другими такими же индивидуумами. Увы, мы впитали в себя такие идеологические химеры, что вопрос

«А выгодно ли это государству?» многими воспринимается с раздражением. Мол, снова бездушная машина хочет поживиться за счёт человека. Думаем, это представление превратное и наивное. Отнюдь не в государствоцентризме причина наших неудач, но именно в нём — залог многих наших успехов в прошлом и будущем. Дело в том, что гармоничное счастье человека в условиях российской культуры возможно только в согласии с государством, которое — отнюдь не бездушная машина, а самое ясное и реальное отражение чаяний общества, народа — причём не только современного, здесь в пору вспомнить о многих поколениях наших предков и потомков. Их судьбы пересекаются в орбите государства. Для русского народа, собравшего крупнейшую по территории северную державу, государство — столь же важный стержень, как, к примеру, для рассеянного по миру еврейского народа — их писание, тора. И, как в еврейской стратегии никогда не будет установки на многоконфессиональность, так России противопоказана анархия свободных индивидуумов. Почему же в официальных заявлениях Министерства образования и науки идея о целесообразности той или иной реформы для государства звучит так робко?

А вот о том, что среднее образование (не говоря о высшем!) должно ориентироваться на нужды корпораций, мы слышим всё чаще — и от чиновников, и от директоров школ. На наш взгляд, логичнее было бы сначала сопоставить корпоративные интересы с интересами государства и общества (они далеко не всегда совпадают, а нередко входят в жёсткий клинч) — и только взвешенный на весах государства корпоративный интерес связывать со стратегией образования. А маневры в фарватере различных отраслевых баронов слишком напоминают реальность банановых

республик.

Слишком идиллически мы отреагировали на процесс утечки мозгов из России, начавшийся уже в конце 1980-х, а в девяностые ставший для нашей науки и высокотехнологичных отраслей поистине роковым. Теряем перспективу, в мирное время лишаемся человеческого ресурса... Что гуманнее — либерально отпускать молодых специалистов на все четыре стороны или ставить преграды? На первый взгляд, гуманнее первое. Но, если обратиться к прогнозам, согласно которым через 20–30 лет Россия превратится в страну пенсионеров, т.е. высококвалифицированных специалистов, у которых по объективным физиологическим причинам главное уже в прошлом. Общество осознаёт эту проблему в контексте демографического провала. Президент дал установку на повышение рождаемости и продолжительности жизни. Но у проблемы есть и иной аспект: России ведь нужны не просто люди, а люди для перманентной научно-технической революции, которая характерна для XXI века. И здесь передним краем идеологии является наша школа: более того, младшие классы. Если младшие школьники будут неосознанно ощущать Родину заштатной периферией цивилизации, для них ярким, манящим, желанным станет далёкий «закордонный» мир, с которым и будут связаны самые честолюбивые надежды. Чтобы почувствовать себя частицей государства, необходимо позитивное (вместо скептического) отношение к его истории, к его символике.

Государство отстранилось от воспитания — и что же? Общество 1990-х могло противопоставить молодёжному радикализму только гедонистическую «мещанскую» программу — потребительство. Она, конечно, привлекательна, но далеко не всесильна. Хорошо прочувствовал этот вакуум писатель Эдуард Лимонов, создавший для подро-

стков политизированную героическую легенду — «Национал-большевистскую партию». И ведь небезуспешно! «В декабре 1998 года я сказал сытому министру Крашенинникову (тогда Минюст внаглую отказал нам в регистрации как общероссийской партии и тем лишил нас права участвовать в выборах): «Не допуская нас, радикалов, к избирателю, вы получите вскоре молодёжный терроризм в масштабах всей страны». К этому всё и идёт. Ведь если перегородить мощную реку, засыпать ей путь, она всё равно прорвётся сбоку, рядом. И тем сильнее будут разрушения. Такова природа рек. И такова же природа наций». Сегодня власть вынуждена создавать не слишком эффективные, затратные программы борьбы с НБП, выраженные в официозных молодёжных организациях.

Прав Александр Проханов, в своих стихийных, полумистических опытах россиеведения иногда формулирующий важнейшие постулаты: «Проблема русской империи упирается в категорию развития. Мы живём в период остановленного развития, и наша задача состоит в том, чтобы запустить «машину развития»: не корпоративного развития, как в ЮКОСе или в РАО ЕЭС, а развития общенационального, имперского».

Общее дело, огромный, под стать России, созидательный проект — вот достойная цель, которая может направить энергию целого народа не на бессмысленную агрессию. Одиночки на такое не способны. Скажете: а при чём здесь школа? Да просто в истории Англии и нынче остаётся крылатым выражение: «Битва при Ватерлоо была выиграна на спортивных площадках Итона и Харроу». Бисмарк выразился ещё конкретнее: «Битву при Седане выиграл немецкий школьный учитель». А Джон Кеннеди, анализируя послевоенный рывок Советского Союза от разрухи к статусу ядерной и косми-

ческой сверхдержавы, обращался к специфике советской средней школы с её блистательными курсами точных наук. В успешном государстве школа никогда не бывает пятым колесом. Вот и предполагаемый объединительный проект, если начнётся, то именно со школьных классов. Если рассуждать без отрыва от реальности, этот проект, скорее всего, будет связан с энергетическим комплексом. Это может быть и строительство сети современных нефтеперерабатывающих заводов, и обеспечение транспортных линий для связи с ними. Непременно — строительство нефте- и газопроводов, развитие геологии на самом современном уровне. Наверное, некое подобие экономического рывка могут совершить и разобщённые амбициозные специалисты с психологией «легионеров».

Чего проще — дополнить отечественных специалистов дешёвой рабочей силой с Востока и из «бывших советских республик», добавить высокооплачиваемых западных контрактников, которые в России получают в 2–3 раза больше, чем в родных Лондонах, Риме и Берлине. Но такой рывок вряд ли будет восприниматься как личная победа большинством граждан России: государство корпоративного меньшинства не может стать всенародным. Если со школьных лет ненавязчиво, не прямолинейно воспитывать в гражданах чувство сопричастности к народу и государству — мы получим почву для всенародного проекта, который и объединит, и примирит. Это — прямая противоположность «войны всех против всех». Здесь нужно сделать оговорку: «всенародное» — не тотально однородное. Нас интересует магистральная тенденция, а не агрессивное подавление личности государством.

Арсений Замостьянов
Алексей Кушнир